

БЛАГОДАРНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

*Огромное спасибо моей коллеге Анастасии Тихвинской
за помощь в решении переводческих задач
и, конечно, Александре Борисенко, без которой
моя мечта переводить художественную литературу
так и осталась бы мечтой*

Посвящается Лючи

Этот роман основан на реальных событиях, но не претендует на историческую достоверность — в частности, что касается деталей, имен и поступков жертв и выживших при трагедии океанского лайнера «Арандора Стар». Имена, персонажи, места и ситуации являются либо плодом воображения автора, либо используются в вымышленном контексте. Любые совпадения с реальными событиями, компаниями, местами или людьми, живыми или мертвыми, случайны.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Всякий, кто стремится обрести вечную жизнь на небесах,
пусть прислушается к этим предупреждениям.

Размышляя о прошлом, помните
О содеянном зле
О добре, оставленном на потом
О потерянном времени

КАРУР, ИНДИЯ

Давным-давно

Гора походила на шатер, за входом в который, в уходящих глубоко под землю холодных темных пещерах, таились самые богатые во всей Южной Азии залежи сапфиров, пиритов и рубинов.

Снаружи шахты солнце обжигало красную землю, испещренную следами самых разных размеров. Испарения, исходящие от гвоздичных деревьев и глинистой почвы, висели такой густой дымкой, что невозможно было разглядеть дорожку. Торговцы драгоценными камнями собрались неподалеку, в деревне Карур, в ожидании добычи, как вдруг что-то заставило их обратить взгляды к горе. Они услышали рев слона, пугающий звук, полный тоски, похожий на низкий голос трубы во мраке. Когда массивная голова животного появилась у входа в шахту, рев усилился и эхом разнесся по холмам.

Глаза старой слонихи были затянуты белой пленкой. По всему телу виднелись бордовые полосы запекшейся крови — следы от ударов цепей. Передние и задние ноги были связаны толстыми пеньковыми веревками с железными скобами, которые впивались в мягкую серую шкуру. Слониха тащила за собой огромный поддон, доверху заваленный горной породой, в которой было изрядно необработанных рубинов.

Махрут¹ был худощавым, цвета корицы. Он распластался на спине слонихи, железные удила, прикрепленные к цепям, врезались в рот животного. Слониха потрясла головой, пытаясь ослабить удила. Но погонщик лишь натянул их сильнее.

¹ Погонщик слонов. — Здесь и далее примеч. перев.

Слониха остановилась. Голова ее уже была за пределами шахты, но туловище все еще оставалось внутри.

— Јао!¹ — закричал махаут, застряв между деревянными подпорками у входа. Слониха не двинулась с места. Махаут пригнулся и хлестнул ее провисшей цепью. — Јао!

Животное не шелохнулось.

Впервые за свою долгую жизнь слониха не подчинилась приказу. Она не согнулась под ударами цепи, вместо этого вскинула голову и задрала хобот, словно искала выход.

Слониха вспомнила луг с душистой травой на берегу реки Амаравати. Воспоминание придало ей сил, и она вытащила поддон из шахты на свет.

¹ Пошла! (хинди)

ВИАРЕДЖО, ИТАЛИЯ

Наши дни

Матильда Роффо закрыла глаза и попыталась вспомнить, что же было дальше. Что-то произошло с погонщиком, вот и все, что она знала. Увы, подробности любимой дедушкиной сказки ускользнули от нее вместе с остальной несущественной информацией, которую она уже не могла удержать в памяти. Старость — это коробка с сюрпризами, и не самыми приятными. Почему же она не записала историю о слонихе? Столько раз собиралась, но так и не нашла времени. Почему она всегда все откладывала? Кто может знать концовку? Нино! Она позвонит брату в Америку. Хотя на его память тоже никакой надежды. Ну и кто расскажет о слонихе, когда ее не станет? Ведь сила семьи в таких историях.

Дед Матильды, Пьетро Кабрелли, тосканец по происхождению, был огранщиком и ювелиром. Он создавал богослужебную утварь для Ватикана из самых дорогих металлов и камней, хотя ими и не владел. Кабрелли работал за комиссию, назначенную покупателем. Его жена, Нетта, не скрывала своего недовольства: «С таким же успехом ты мог бы подметать улицы Рима, платили бы тебе столько же».

Каждый день после школы Матильда приходила к деду в мастерскую. Она садилась на подоконник, пристраивала ноги на батарее и молча наблюдала за ним. Кабрелли работал с газовой горелкой, припаявая детали золотых изделий, или занимался разметкой, резкой и полировкой камней перед их установкой в оправу. На нем был кожаный фартук, на шее висела лупа, за ухом торчал карандаш, а из заднего кармана — молоточек для чеканки. Первой мелодией, которую услышала

Матильда, было жужжание шлифовального круга — высокий звук, похожий на скрипичный штрих *detaché*¹. Кабрелли полировал осколок размером не больше ее ногтя, прижимая его к шероховатой поверхности. Чтобы внучка не скучала, он научил ее рассматривать драгоценные камни через лупу. Матильда приходила в восторг всякий раз, когда свет, попадая на грани, создавал эффект радужного kaleidoscope. Девочка с удовольствием проводила время в мастерской, но у нее имелись там и свои обязанности. Когда Кабрелли принимался за пайку, она должна была открывать окна, а по окончании работы — закрывать.

На стене мастерской висела карта мира, на которой Кабрелли обвел кружками самые богатые месторождения рубинов. Он показывал внучке места в Южной Америке, Китае и Африке, но его палец неизменно возвращался к Индии, где кружков было больше всего. Кабрелли работал с рубинами, потому что Святая Римская церковь отдавала предпочтение красному цвету. Он был уверен, что его творения отмечены искрой божественного. Инкрустируя сосуд, в котором хранились Святые Дары, он будто вселял в него веру и само время.

Матильда ухватилась за край церковной скамьи, зажмурилась и наклонилась вперед, вдыхая запахи воска и ладана, которые, казалось, пробудили ее память. Вместо того чтобы молиться в тишине после раздачи Святого причастия и перед заключительным благословением, она отыскивала на жестком диске своего мозга сведения о том времени, когда ее родители, бабушка с дедушкой и младший брат жили в одном доме и каждое воскресенье ходили вместе вот в эту самую церковь.

В сознании Матильды медленно всплывали обрывки дедушкиных рассказов об Индии. Шахтеры жевали медовые соты, чтобы не заснуть во время долгой работы в темноте. Рубины «голубинная кровь» имели цвет спелого винограда — темно-красный с фиолетовым оттенком. По лазурному небу плыли розовые облака.

Вечером, после ужина, родители уходили на прогулку, а дедушка рассказывал детям сказку на ночь. Пьетро Кабрелли

¹ Деташе — разновидность приема исполнения на струнных смычковых инструментах.

раскладывал на полу подушки, изображавшие гору, и деревянные кубики — горную породу. Он доставал из кармана носовой платок и прижимал его ко лбу, как будто вокруг стояла изнуряющая жара. Словно театральный актер, он исполнял все роли, меняя голос под каждого персонажа. Кабрелли даже становился слоном — расхаживал по комнате, раскачивая руку взад-вперед, имитируя хобот.

— Матильда! — прошептала Ида Касичьяро и легонько толкнула подругу.

Матильда открыла глаза.

— Ты заснула.

— Просто задумалась, — прошептала Матильда в ответ.

— Ты заснула.

Спорить с Идой было бесполезно. Подруги сидели рядом на ежедневной мессе, последовательность их действий была так же неизменна, как изображение геральдических лилий на церковном гранитном полу. Они встали, склонили головы и, пока священник чертил в воздухе воображаемый крест, перекрестились. Обе преклонили колени в тот момент, когда в церкви Сан-Паолоино раздался колокольный звон «Господи, помилуй!» — тот самый, что во времена их детства собирал женщин на утреннюю службу.

В Виареджо не нуждались в часах, чтобы узнавать время, там жили по колокольному звону и по расписанию местного пекаря. Когда дон Скарелли начинал мессу, Умберто Эннико доставал из печи противни с корнетто¹. К концу службы булочки остывали, и Умберто смазывал их абрикосовой глазурью, чтобы прихожане могли угоститься по дороге домой.

— Давай выпьем кофе, — предложила Ида, накидывая на голову платок и завязывая его под подбородком.

— Не сегодня.

— Но у тебя же день рождения.

— Прости, Ида. Анина должна прийти.

— Ну тогда в другой раз. — Ида отклонила назад голову и внимательно посмотрела на подругу сквозь бифокальные очки. — Обещаешь?

— Обещаю.

¹ Итальянские круассаны.

Ида полезла в карман и протянула Матильде небольшой сверток, перевязанный ленточкой.

— Это еще зачем?

— Пустяки, не заводись. — Ида спрятала руки в рукава шерстяного полупальто, словно священник, готовый произнести проповедь. — Давай, открывай.

— Что это? — Матильда встряхнула белый пластиковый флакон с капсулами.

— Пробиотики. Они изменят твою жизнь.

— Мне нравится моя жизнь.

— С пробиотиками она понравится тебе еще больше. Если мне не веришь, спроси своего доктора. В наше время здоровое пищеварение — самое главное.

— Зачем ты на меня тратишься?

— На тебя невозможно потратиться. У тебя все есть.

— Ида, если к восьмидесяти одному году у тебя нет всего, чего ты хочешь, то, вероятно, уже не будет.

Ида быстро расцеловала подругу в обе щеки, затем повернулась и медленно пошла вверх по крутой, мощенной булыжником улице к своему дому. Розовый платок соскользнул с ее головы, и седые волосы растрепались на ветру. Семейство Метрионе — Касичьяро были людьми трудолюбивыми, крепкими, все они когда-то работали на шелковой фабрике, считавшейся в те времена огромным бизнесом. Матильда вспомнила, как ее подруга, у которой тогда были темные волосы, с легкостью избегала по склону после долгой смены. «Когда же мы успели постареть?» — удивилась Матильда.

Городок Виареджо располагался на Лигурийском побережье на границе с *Il Tirreno Mare*¹, к югу от Генуэзского залива и к северу от побережья Амальфи. Виллы карамельного цвета с видом на море прятались в тени высоких тонкоствольных сосен, увенчанных пышными куполами зеленой хвои. Пляж Виареджо растянулся вдоль западного побережья Италии подобно нити изумрудов.

Когда Матильда поднималась по шатким ступенькам на дощатую набережную, в воздухе еще стояли запахи древесного угля и серы. Карнавал² официально завершился ночью, когда фейерверк превратился в пепел и рассеялся в черном небе. Последние туристы покинули пляж еще до восхода солнца. Розовое колесо обозрения стояло неподвижно. Карусельные лошадки застыли в воздухе. Слышно было лишь хлопанье брезента над опустевшими прилавками.

Стоя на безлюдной набережной, Матильда облокотилась на парапет и наблюдала, как завитки дыма от заброшенных кострищ устремлялись в небеса, словно приношение. Затянутое облаками небо плавно переходило в размытый горизонт и сливалось с серебристым морем. Она услышала рев туманной сирены и увидела вдалеке роскошный круизный лайнер, за которым шлейфом расходились пенные волны. Элегантный

¹ Тирренское море (*ит.*).

² Карнавал в Виареджо — второй по масштабности после Венецианского карнавал в Италии, проходит ежегодно в течение трех недель и начинается примерно за месяц до начала Великого поста.

корабль бесшумно проплыл мимо, растянув над водой рассветный флаг. Всю жизнь Матильда считала, что увидеть большой корабль — к удаче. Она не могла вспомнить, откуда взялась эта примета, просто всегда ее знала.

Возвращайся, подумала Матильда, когда белоснежный корабль с бордовым корпусом и темно-синей отделкой взял курс на юг. Слишком поздно — корабль уже спешил в теплые края. Матильде надоела зима, и она с нетерпением ждала прогулок вдоль пляжа в солнечную погоду. Ее грела мысль, что совсем скоро бирюзовые волны снова заплещут под безоблачным весенним небом.

Утром после мессы Матильда обычно заходила в магазин, купить продукты на день, а после обеда совершала длинную прогулку, чтобы поразмышлять. Из таких ритуалов и состояла заключительная глава ее жизни, после того как она ушла на пенсию с должности бухгалтера их семейного ювелирного магазина. Наконец она нашла время, чтобы привести в порядок дом: ей не хотелось оставлять детям кипы бумаг и горы старой мебели. Как могла, она пыталась подготовить их к неизбежному.

Вероятно, ей чудом удалось избежать встречи с болезнью, косившей жителей Бергамо на севере, — вирус, убивающий стариков, определенно знал ее адрес. Она спокойно относилась к ситуации, ведь выбора у нее не было. Судьба словно шаровой таран: ты не знаешь, когда последует разрушительный удар, но собственный опыт подсказывает, что это непременно произойдет.

Она не избавилась от привычки практиковать «испытание совести»¹, привитой монахинями еще в детстве. Матильда вспоминала обиды, причиненные ей, и те, что причинила сама. Тосканцы, хотя и жили сегодняшним днем, никогда не забывали о прошлом. А если бы и забыли, каждый уголок родного городка хранил напоминания. Она знала Виареджо и его жителей как свои пять пальцев и в каком-то смысле была с ними единым целым.

¹ «Испытание совести» — в католической традиции особая разновидность духовных упражнений, нацеленных на лучшее познание самого себя и нравственное совершенствование.

С окончанием карнавального веселья и началом Великого поста в городке воцарялось совсем другое настроение. На срок дней наступала пора духовных размышлений, воздержания и покаяния. В детстве ей казалось, что Великий пост тянется целую вечность. Она никак не могла дождаться Пасхи — дня, приносящего облегчение. «Нельзя испытать радость пасхального воскресенья, не пережив мук Страстной пятницы, — напоминала им мать. — Без креста — нет венца», — добавляла она на диалекте, понятном лишь ее детям.

Воскресение Господне приносило городку искупление, а детям — свободу. Со статуй святых снимали темную ткань¹. Алтарь вновь украшали миртом и маргаритками. Пустой бульон — основное блюдо во время поста — сменяла сладкая выпечка. Когда на Страстной неделе мама замешивала тесто для пасхального хлеба, ароматы сливочного масла, апельсиновой цедры и меда уже поднимали настроение. Вкус мягкого яичного хлеба, плетеные буханки которого подавались горячими и поливались медом, означал, что жертвоприношение завершилось, по крайней мере, до следующего года. Матильда хорошо помнила один *Pranzo di Pasqua*², на котором присутствовали все члены семьи. Папа тогда соорудил длиннющий стол из деревянных дверей, чтобы все смогли уместиться. Мама накрыла стол желтой скатертью и украсила корзиночками со свежими плетенками.

«Мы — одна семья, одно целое», — произнес отец, поднимая бокал. Вслед за ним свои бокалы подняли ее дяди, тети, братья и сестры.

В жизни Матильды случалось немало счастливых моментов, но то первое после войны пасхальное воскресенье было особенным. Матильда не сомневалась, что если когда-нибудь память окончательно ей изменит, она все равно будет помнить, как вся семья разговлялась в саду под ярким солнцем. В молодости Матильда гналась за временем, чтобы получить желаемое. Теперь — чтобы это время удержать.

¹ Начиная с 5-го воскресенья Великого поста все священные изображения — иконы и статуи — закрываются фиолетовой или черной тканью.

² Пасхальный обед (*ut.*).

Она шла по променаду, деревянные рейки скрипели под ногами. Дойдя до середины, Матильда обернулась и посмотрела на широкую серую дорожку. Почему-то в детстве она казалась ей бесконечной.

В ее памяти всплыла летняя вечерняя прогулка вдоль пляжа, когда она была девочкой и шла рядом с коляской брата. Нино родился в сорок девятом году (как и положено бухгалтеру, она всегда помнила цифры). Война закончилась. На матери было платье из абрикосовой органзы, а на отце — соломенная шляпа с широкой лентой из малинового шелка. Матильда приложила руку к сердцу, и перед ее мысленным взором складывались детали картинки. Вскоре вокруг уже собрались призраки, раскрасив унылый дощатый настил. Она представила себе мужчин в светлых костюмах карамельных оттенков и нарядных женщин в шляпках с павлиньими перьями. Ее мать задумчиво вертела полотняный зонтик, выгоревший добела. Матильда присела на скамейку передохнуть, закрыла глаза и отчетливо услышала родной голос. Доменика Кабрелли любила море и привила эту любовь дочери. Всякий раз, прогуливаясь вдоль воды под коралловым солнцем, Матильда ощущала тепло материнского присутствия.

Почему же она так легко возвращалась в детство и при этом с трудом могла вспомнить, что ела накануне на ужин? Может быть, пробиотики Иды помогут? Надо спросить у врача. В последний раз, когда муж привел ее на прием, ей сделали тест на проверку памяти. Не было ни одного вопроса о прошлом, врача и медсестру интересовало исключительно «здесь и сейчас». *Кто нынешний премьер-министр Италии? Какой сегодня день недели? Сколько вам лет?* Матильде очень хотелось ответить: «Да какая разница?» — но она понимала, что с врачом лучше не ссориться. Он заверил ее, что видения и сны о прошлом — это нормально, тем не менее к состоянию ее мозга они не имеют никакого отношения. «В человеческом мозге прошлое и настоящее между собой не связаны», — объяснил он. Матильда, однако, в этом сомневалась.

Она пересекла бульвар и подошла к зданию, где когда-то находился их семейный магазин-мастерская, теперь здесь был магазин одежды. Она почувствовала гордость, увидев, что на здании все еще сохранилась надпись «Ювелирный магазин Ка-

брелли», хотя буквы и выцвели. Прошло двадцать лет с тех пор, как магазин переехал в Лукку, небольшой оживленный город всего в нескольких милях от Виареджо.

Прикрывая ладонью глаза, Матильда заглянула внутрь через широкое витринное стекло. Она заметила, что дверь в подсобное помещение открыта. Комнатка, где стоял станок, на котором дед обрабатывал драгоценные камни, теперь была заставлена стойками с одеждой.

Владельцы местных магазинчиков убрали с фасадов карнавальные украшения, снимали венки, мишуру и гирлянды разноцветных лампочек, а один мужчина, балансируя на шаткой лестнице, отцеплял красные, белые и зеленые флажки, развешенные вдоль маршрута, по которому проходил парад. Бакалейщик смел конфетти в сточную канаву и приветственно кивнул, когда она проходила мимо.

Подставив под струю ладони, Матильда отпила ледяной воды, стекающей с гор в древние цистерны. Краны питьевого фонтанчика торчали прямо из рук скульптурных ангелов, чьи лица истерлись от времени. Вода была насыщена ценными минералами и укрепляла силы. Вытирая руки носовым платком, который она всегда держала в кармане, Матильда подумала о матери. Доменика Кабрелли не только приучила своих детей пить полезную воду, но и обучала Матильду счету, когда по дороге в школу они проходили мимо вереницы фонтанчиков. Так Виареджо стал ее первым учебником.

Матильда открыла сумочку, чтобы расплатиться с торговцем фруктами, который выбрал для нее с прилавка шесть крепких золотистых яблок и аккуратно уложил в бумажный пакет.

— Как идут дела? — спросила Матильда, передавая ему деньги. — *Buona festa?*¹

— С прежними временами не сравнить, — ответил он с сожалением.

На виа Фиренце Матильда прошла мимо шестерых мужчин, которые складывали, словно простыню, огромную полосатую палатку. Выкрашенные яркой краской дома, стоявшие вдоль улицы и прижатые друг к другу, будто книги на полке,

¹ Праздник прошел хорошо? (*ит.*)

принадлежали двоюродным братьям и сестрам Кабрелли. Матильда определяла жилища родственников по цвету входной двери: *rosa*¹ — у Мамачи, *giallo*² — у Бьяджетти, *verde*³ — у Грегорио. Цвет служил и сигналом к отступлению. В доме с *porta azzurra*⁴ Матильду не ждали, поскольку между семьями Кабрелли и Ничини существовала давняя вражда, зародившаяся задолго до ее рождения. Вражда не прекратилась и после того, как Ничини переехали в Ливорно, оставив в прошлом дом с голубой дверью. Матильда помнила, как в детстве летом стояла у подножия холма и свистела, зазывая братьев и сестер на пляж. Входные двери тут же распахивались, образуя разноцветную ленту, и дети бежали вниз, с радостью откликаясь на ее призыв.

Шутки ради Матильда сунула в рот два пальца и попыталась свистнуть. Громкая трель привлекла внимание мужчин, складывавших палатку, но ни одна дверь не распахнулась. К сожалению, ее братья и сестры тоже переехали в Лукку. Матильда и Олимпио теперь были старожилками городка — последние, кто остался в Виареджо из семей Кабрелли и Роффо.

В кармане Матильды зажужжал телефон. Она остановилась, чтобы прочесть сообщение. *С днем рождения, Матильда! Мы чудесно провели время, спасибо.*

Она ответила невестке: *Спасибо. Было весело. Но мало!*

Матильда искренне любила Патрицию. Та часто выступала в роли миротворца и убеждала Нино не ругаться с сестрой: в конце концов, они были самыми родными друг другу людьми. Во время их последнего приезда Матильда ни разу не поссорилась с братом.

Можешь спросить Нино, помнит ли он дедушкину историю про слониху? — написала Матильда.

Патриция прислала в ответ подмигивающий смайлик.

Матильда терпеть не могла смайлики. Скоро люди вообще перестанут пользоваться словами, их заменят эти пучеглазые головки.

¹ Розовый (*ит.*).

² Желтый (*ит.*).

³ Зеленый (*ит.*).

⁴ Дверь голубого цвета (*ит.*).

Она остановилась у ворот местного общественного сада, разбитого сто лет назад семьей Бонкурсо. Спустя десятилетия участок так и числился за ними, хотя после Первой мировой войны никого из членов семьи в живых не осталось. Пожелтевший сад был покрыт слоем жидкой грязи. Несколько многолетних растений укрыли мешковиной, чтобы защитить от холодов. Одинокая белая пергола в центре напоминала застрявшую в слякоти свадебную карету.

Матильда вспомнила свой первый поцелуй под перголой. Было лето, она стояла с закрытыми глазами и вдыхала аромат виноградных гроздьев, свисавших с арки. Рокко Тибурци решил, что это знак, и, воспользовавшись моментом, поцеловал ее. Матильде было четырнадцать, и она думала, что ничего более прекрасного с ней никогда уже не случится. Домой она буквально летела, а когда пришла, бабушка Нетта отругала ее за то, что она забыла мешок каштанов, за которым ее посылали. Чувства нежности и стыда еще долго оставались крепко связанными в ее сердце, пока она не осознала, что это сочетание мешает ей любить по-настоящему.

Каштановые деревья, выстроившиеся вдоль задней стены сада, по-прежнему приносили много плодов. Во время урожая соседи собирали целые мешки, но Матильда давно решила не забирать свою долю. После войны не хватало продуктов, и каштаны клали везде: в пасту, в начинки, в тесто. Она тогда наелась их досыта и пообещала себе, что когда вырастет и станет хозяйкой на кухне, не съест ни одного. Матильду удивляла нынешняя популярность итальянских блюд с каштанами, и она в очередной раз убеждалась, что люди быстро забывают о пережитых лишениях.

Матильда и ее муж Олимпио жили на верхнем этаже виллы Кабрелли, расположенной на изгибе аллеи Джозуэ Кардуччи¹. Семейство Роффо было уже третьим поколением, жившим в фамильном доме. После того как родители Матильды умерли, а взрослые дети разъехались, они с Олимпио перестроили дом и заняли мансарду. «Мы наконец-то добрались до вершины, — шутил Олимпио, — но для этого нам пришлось расстаться со всеми, кого мы любим».

¹ Джозуэ Кардуччи (1835—1907) — итальянский поэт XIX века, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Для Матильды каждый уголок дома был наполнен воспоминаниями. К сожалению, теперь поколения разделяли не просто ступеньки между этажами. Ее дети уехали сразу, как только обзавелись семьями. Дочь теперь жила в соседней Лукке, а сын — дальше по побережью. Долгие годы эти расстояния казались пустяшными, но не теперь. Матильда жалела, что все они не остались под одной крышей.

Городок их менялся по мере того, как сменялись его жители. Большинство соседних домов с видом на море переделывали под апартаменты, поскольку владельцы умирали, а наследники, не желавшие расставаться с фамильным гнездом, быстро понимали, что летняя аренда приносит отличный доход. Виллу Кабрелли тоже разделили на апартаменты для сдачи в аренду, но не столько из-за финансовых нужд, просто стареющей чете Роффо трудно было следить за таким огромным пространством. Реконструкция включала установку первого в здании лифта — Олимпио уверял, что однажды он им понадобится. И оказался прав. Перестраивая дом, когда тебе шестьдесят, стоит подумать о том времени, когда тебе будет восемьдесят. Этот возраст оказался не за горами.

Поднявшись на вершину холма, Матильда полезла в сумочку за ключом. Цвет *arancione*¹ означал, что она дома. Оранжевая дверь не менялась со времен ее детства.

— Синьора! У меня для вас кое-что есть. — Джусто Фильоло, седовласый сосед Матильды, помахал из-за калитки и вышел к ней. — Дочка съездила в Пьетрасанту². — Он протянул Матильде большой треугольник пармезана, завернутый в вощеную бумагу. — Есть еще, если захочешь.

Матильда взяла сыр и подняла в руке, словно гантель.

— Такой огромный. Ты себе точно оставил?

— *Si, si*³, — усмехнулся Джусто. — Она привезла столько, что хватит до следующего карнавала.

— Благодарю, синьор. Угощайся яблоками. — Матильда открыла бумажный пакет.

— Я возьму одно.

¹ Цвет апельсина (*ит.*).

² Городок в провинции Лукка региона Тоскана.

³ Да-да (*ит.*).

- Бери больше. У меня их достаточно.
- Мне хватит одного. *Vuon compleanno*¹. — Джусто улыбнулся.

Это было в духе семейства Фильоло — вручить ей на день рождения большущий кусок сыра. Когда-то родители ее соседа владели здесь самым популярным рестораном, куда все горожане ходили отмечать семейные праздники. Мать отлично готовила, отец был прекрасным управляющим. Все дети работали в ресторане, и их симпатичная внешность помогала привлекать клиентов. Сестер Джусто Фильоло давно не было в живых, но Матильда помнила их блестящие черные волосы, стройные фигуры и покрытые ярко-красным лаком ногти.

— Как собираешься отметить день рождения? — спросил Джусто.

— С большим смирением. Моя задача — дожить до завтрашнего утра. И до послезавтрашнего, если Бог даст.

— Пусть Господь благословит тебя и даст тебе то, в чем ты истинно нуждаешься. — Сосед перекрестился. — Кабрелли всегда были бойцами. Все будет хорошо.

Матильда вытащила из сумки газету:

- Вот, возьми.
- Может, оставишь себе?
- Новостей там больше нет, одни некрологи. Мне не нужны напоминания о том, что меня ждет.
- Ты еще ребенок, Матильда. — Джусто было девяносто три. — У тебя все только начинается.

Кожура с последнего яблока соскользнула в раковину, словно золотистая лента. Взяв специальный нож, Матильда нарезала яблочную мякоть тонкими ломтиками, выложила тесто на противень и покрыла его аккуратным слоем яблок. Сверху раскидала кусочки сливочного масла и посыпала начинку сахаром. Припорошив все корицей, Матильда подтянула четыре уголка теста к центру, соорудив конверт, как учила ее мать. Наконец штрудель *di mele*² отправился в духовку.

¹ С днем рождения (*um.*).

² Яблочный (*um.*).

Матильда покормила своих питомцев. Дворняга Бешпе быстро поел и уснул под диваном. «Ты как твой хозяин. Поел. По-спал. Поел», — усмехнулась она. Кошка Ардженто расхаживала по книжному стеллажу в гостиной, исполняя свой ежедневный цирковой номер. «Ах ты! — Матильда погрозила ей пальцем. — Совсем с ума сошла! Стара ты уже для такой высоты». Кошка проигнорировала ее, как, впрочем, и всегда. Ардженто вообще вела себя так, словно это Роффо жили в ее доме, а не наоборот.

Матильда сняла фартук и решила прибраться в гостиной.

Четыре стильные серые кушетки вокруг журнального столика образовывали прямоугольное пространство, где вполне хватало места для всех членов семьи, когда они приезжали в гости. Рядом с книгами на полках пристроились винтажный фотоаппарат «Лейка», примитивистская фигурка и стеклянные баночки, наполненные ракушками, которые в детстве собирали внуки. Матильда прошла перьевой метелкой по книгам.

Закончив уборку, Матильда вытащила пожелтевший клочок бумаги из стоящей на столе вазы Каподимонте¹, потом сняла с крючка под лестницей небольшую картину, за которой скрывалась металлическая дверца встроенного в стену сейфа. Прикинув к сейфу ухом, которым слышала лучше, Матильда сверилась с последовательностью цифр на бумажке и, словно опытный медвежатник, покрутила циферблат. Послышался щелчок, и дверца сейфа распахнулась. Матильда сунула руку внутрь и достала большую бархатную шкатулку. Не закрывая сейф, она направилась на кухню и по пути поставила шкатулку на стол.

Штрудель был готов, Матильда вынула его из духовки остывать. От горячей золотистой корочки шел пар. Матильда открыла блокнот, лежавший на столешнице, и записала список ингредиентов и последовательность действий. Ее дочь Nicoлина собирала семейные рецепты. Сама Матильда никогда рецептами не пользовалась, она готовила блюда так, как учили ее бабушка и мать: используй лучшие продукты, ничего не отмеряй и не взвешивай, полагайся на чутье.

¹ Знаменитая итальянская фабрика фарфора, основанная в 1743 году.

Матильда открутила верхнюю часть гейзерной кофеварки и заполнила нижнюю колбу водой. Насыпала в фильтр свежемолотый кофе, выпуклой стороной ложки разровняла его, затем аккуратно прикрутила верхушку обратно. Поставила кофеварку на плиту и зажгла конфорку.

Когда кухня наполнилась землистым утренним ароматом, Матильда поняла, что просыпала кофе на расстеленный под раковиной коврик. Чертыхнувшись, она нагнулась и скатала его, словно сигару, вынесла коврик на террасу, вытряхнула и повесила на перила.

Матильда поежилась от холода, плотнее закуталась в кофту, не застегивая ее, и скрестила руки на груди. На побережье шумел прибой. Резкий ветер, дувший над вершинами Апуанских Альп и со свистом проносившийся над Панией-делла-Кроче¹, практически гарантировал, что до весны будет еще как минимум один шторм. Матильда не могла припомнить более суровой тосканской зимы, чем та, которую они только что пережили. Она еще раз встряхнула коврик, прежде чем сложить его.

Матильда уже собиралась вернуться в дом, как вдруг услышала в небе пронзительный крик. Она подняла голову и увидела жирную чайку, летевшую сквозь туман прямо на нее.

— Кыш! — крикнула Матильда и махнула в сторону птицы ковриком.

Но, вместо того чтобы улететь, чайка приблизилась настолько, что острый кончик ее крючковатого желтого клюва задел женщине щеку.

— Беппе! — крикнула Матильда собаке.

Пес выскочил в открытую дверь и с лаем бросился на птицу. Кошка тоже выскользнула на террасу, с любопытством наблюдая за суматохой. Чайка спикировала вниз, чтобы подразнить кошку, та выгнула спину и зашипела.

— Ардженто! Быстро в дом! — Матильда сгребла кошку в охапку, накрыв ковриком. — Беппе! *Andiamo!*²

Собака шмыгнула обратно внутрь. Матильда плотно закрыла раздвижную дверь. Она оставила кошку на стуле, освободив ее из коврика, пес кружился у ее ног, высунув язык.

¹ Гора в Апуанских Альпах.

² Пойдем! (*um.*)

Матильда сунула руку под блузку и достала носовой платок, спрятанный на груди под бретелькой лифчика, осторожно вытерла пот со лба и приложила руку к колотящемуся сердцу. Выглянула в стеклянную дверь, обвела глазами небо, но чайки уже не было видно. Она ощутила дурноту и присела, чтобы перевести дух.

Многовато впечатлений для старушки, сказала себе Матильда. «Да и для вас тоже», — пробормотала она, обращаясь к своим питомцам.